

Н. М. КАРАМЗИН
ИСТОРИЯ
ГОСУДАРСТВА
РОССИЙСКОГО

C. B. Lagusche del. et dirca.

C. Lorichon sc.

Предисловие

История в некотором смысле есть священная книга народов: главная, необходимая; зеркало их бытия и деятельности; скрижаль откровений и правил; завет предков к потомству; дополнение, изъяснение настоящего и пример будущего.

Правители, законодатели действуют по указаниям истории и смотрят на ее листы, как мореплаватели на чертежи морей. Мудрость человеческая имеет нужду в опытах, а жизнь кратковременна. Должно знать, как искони мятежные страсти волновали гражданское общество и какими способами благотворная власть ума обуздывала их бурное стремление, чтобы учредить порядок, согласить выгоды людей и даровать им возможное на земле счастье.

Но и простой гражданин должен читать историю. Она мирит его с несовершенством видимого порядка вещей, как с обыкновенным явлением во всех веках; утешает в государственных бедствиях, свидетельствуя, что и прежде бывали подобные, бывали еще ужаснейшие и государство не разрушалось; она питает нравственное чувство и праведным судом своим располагает душу к справедливости, которая утверждает наше благо и согласие общества.

Вот польза: сколько же удовольствий для сердца и разума! Любопытство сродно человеку и просвещенному, и дикому. На славных играх Олимпийских умолкал шум, и толпы безмолвовали вокруг Геродота, читающего предания веков. Еще не зная употребления букв, народы уже любят историю: старец указывает юноше на высокую могилу и повествует о делах лежащего в ней героя. Первые опыты наших предков в искусстве грамоты были посвящены вере и деписанию; омраченный густой сению невежества, народ с жадностью внимал сказаниям летописцев. И вымыслы нравятся; но для полного удовольствия должно обманывать

себя и думать, что они истина. История, отверзая гробы, поднимая мертвых, влагая им жизнь в сердце и слово в уста, из тления вновь созида царства и представляя воображению ряд веков с их отличными страстями, нравами, деяниями, расширяет пределы нашего собственного бытия; ее творческою силою мы живем с людьми всех времен, видим и слышим их, любим и ненавидим; еще не думая о пользе, уже наслаждаемся созерцанием многообразных случаев и характеров, которые занимают ум или питают чувствительность.

Если всякая история, даже и не искусно писанная, бывает приятна, как говорит Плиний, — тем более отечественная. Истинный космополит есть существо метафизическое или столь необыкновенное явление, что нет нужды говорить об нем, ни хвалить, ни осуждать его. Мы все граждане, в Европе и в Индии, в Мексике и в Абиссинии; личность каждого тесно связана с отечеством: любим его ибо любим себя. Пусть греки, римляне пленяют воображение: они принадлежат к семейству рода человеческого и нам не чужие по своим добродетелям и слабостям, славе и бедствиям; но имя русское имеет для нас особенную прелесть: сердце мое еще сильнее бьется за Пожарского, нежели за Фемистокла или Сципиона. Всемирная история великими воспоминаниями украшает мир для ума, а российская украшает Отечество, где живем и чувствуем. Сколь привлекательны берега Волхова, Днепра, Дона, когда знаем, что в глубокой древности на них происходило! Не только Новгород, Киев, Владимир, но и хижины Ельца, Козельска, Галича делаются любопытными памятниками и немые предметы — красноречивыми. Тени минувших столетий везде рисуют картины перед нами.

Кроме особенного достоинства для нас, сынов России, ее летописи имеют общее. Взглянем на пространство сей единственной державы: мысль

цепенеет; никогда Рим в своем величии не мог равняться с нею, господствуя от Тибра до Кавказа, Эльбы и песков африканских. Не удивительно ли, как земли, разделенные вечными преградами естества, неизмеримыми пустынями и лесами непроходимыми, хладными и жаркими климатами, как Астрахань и Лапландия¹, Сибирь и Бессарабия, могли составить одну державу с Москвою? Менее ли чудесна и смесь ее жителей, разноплеменных, разновидных и столь удаленных друг от друга в степенях образования? Подобно Америке, Россия имеет своих диких; подобно другим странам Европы, являет плоды долговременной гражданской жизни. Не надобно быть русским: надобно только мыслить, чтобы с любопытством читать предания народа, который смелостию и мужеством снискал господство над девятою частию мира, открыл страны, никому дотоле не известные, внося их в общую систему географии, истории, и просветил Божественною Верою, без насилия, без злодейств, употребленных другими ревнителями христианства в Европе и в Америке, но единственно примером лучшего.

Согласимся, что деяния, описанные Геродотом, Фукидидом, Ливием, для всякого нерусского вообще занимательнее, представляя более душевной силы и живейшую игру страстей: ибо Греция и Рим были народными державами и просвещеннее России; однако ж смело можем сказать, что некоторые случаи, картины, характеры нашей истории любопытны не менее древних. Таковы суть подвиги Святослава, гроза Батыева, восстание россиян при Донском, падение Новагорода, взятие Казани, торжество народных добродетелей во время междоусобия. Великаны сумрака, Олег и сын Игорь; простосердечный витязь, слепец Василько; друг отечества, благолюбивый Мономах; Мстиславы *Храбрые*², ужасные в битвах и пример незлобия в мире; Михаил Тверской, столь знаменитый великодушною смертию; злополучный, истинно мужественный Александр Невский; герой юноша, победитель Мамаев, — в самом легком начертании сильно действуют на воображение и сердце. Одно государство Иоанна III есть редкое богатство для истории: по крайней мере, не знаю монарха, достойнейшего жить и сиять в ее святилище. Лучи его славы падают на колыбель Петра — и между сими двумя самодержцами удивительный Иоанн IV, Годунов, достойный своего счастья и несчастья, странный Лжедмитрий, и за сонмом доблестных патриотов, бояр и граждан, наставник трона, первоосвятитель Филарет с державным сыном, светоносцем во тьме наших государственных бедствий,

и царь Алексей, мудрый отец императора, коего назвала Великим Европа. Или вся новая история должна безмолвствовать, или российская иметь право на внимание.

Знаю, что битвы нашего удельного междоусобия, гремящие без умолку в пространстве пяти веков, маловажны для разума; что сей предмет не богат ни мыслями для прагматика, ни красотама для живописца; но история не роман и мир не сад, где все должно быть приятно: она изображает действительный мир. Видим на земле величественные горы и водопады, цветущие луга и долины; но сколько песков бесплодных и степей унылых! Однако ж путешествие вообще любезно человеку с живым чувством и воображением; в самых пустынях встречаются виды прелестные.

Не будем суеверны в нашем высоком понятии о деписаниях древности. Если исключить из бессмертного творения Фукидидова вымышленные речи, что останется? Голый рассказ о междоусобии греческих городов: толпы злодействуют, режутся за честь Афин или Спарты, как у нас за честь Мономахова или Олегова дома. Немного разности, если забудем, что сии полутигры изъяснялись языком Гомера, имели Софокловы трагедии и статуи Фидиасовы. Глубокомысленный живописец Тацит всегда ли представляет нам великое, разительное? С умилением смотрим на Агриппину, несущую пепел Германика; с жалостию на рассеянные в лесу кости и доспехи легиона Варова; с ужасом на кровавый пир неистовых римлян, освещаемых пламенем Капитолия; с омерзением на чудовище тиранства, пожирающее остатки республиканских добродетелей в столице мира, — но скучные тяжбы городов о праве иметь жреца в том или другом храме и сухой некролог римских чиновников занимают много листов в Таците. Он завидовал Титу Ливию в богатстве предмета; а Ливий, плавный, красноречивый, иногда целые книги наполняет известиями о сшибках и разбоях, которые едва ли важнее половецких набегов. Одним словом, чтение всех историй требует некоторого терпения, более или менее награждаемого удовольствием.

Историк России мог бы, конечно, сказав несколько слов о происхождении ее главного народа, о составе государства, представить важные, достопамятнейшие черты древности в искусной *картине* и начать *обстоятельное* повествование с Иоаннова времени или с XV века, когда совершилось одно из величайших государственных творений в мире: он написал бы легко 200 или 300 красноречивых, приятных страниц, вместо многих книг, трудных для автора, утомительных для читателя. Но сии *обозре-*

¹ Лапландия — север Финского и часть Кольского полуострова.

² Здесь и далее курсив Н. М. Карамзина. — *Ред.*

ния, сии картины не заменяют летописей, и кто читал единственно Робертсоново введение в историю Карла V, тот еще не имеет основательного, истинного понятия о Европе средних времен. Мало, что умный человек, окинув глазами памятники веков, скажет нам свои примечания: мы должны сами видеть действия и действующих — тогда знаем историю. Хвастливость авторского красноречия и нега читателей осудят ли на вечное забвение дела и судьбу наших предков? Они страдали и своими бедствиями изготовили наше величие, а мы не захотим и слушать о том, ни знать, кого они любили, кого обвиняли в своих несчастьях? Иноземцы могут пропустить скучное для них в нашей древней истории; но добрые россияне не обязаны ли иметь более терпения, следуя правилу государственной нравственности, которая ставит уважение к предкам в достоинство гражданину образованному?.. Так я мыслил и писал об *Игорях*, о *Всеволодах*, как *современник*, смотря на них в тусклое зеркало древней летописи с неутомимым вниманием, с искренним почтением; и если вместо *живых, целых* образов представлял единственно *тени, в отрывках*, то не моя вина: я не мог дополнять летописи!

Есть *три* рода истории: *первая* — современная, например, Фукидидова, где очевидный свидетель говорит о происшествиях; *вторая*, как Тацитова, основывается на свежих словесных преданиях в близкое к описываемым действиям время; *третья* извлекается только из памятников, как наша до самого XVIII века*. В *первой* и *второй* блистает ум, воображение деписателя, который избирает любопытнейшее, цветит, украшает, иногда *творит*, не боясь обличения; скажет: *я так видел, так слышал* — и безмолвная критика не мешает читателю наслаждаться прекрасными описаниями. *Третий* род есть самый ограниченный для таланта: нельзя прибавить ни одной черты к известному; нельзя вопрошать мертвых; говорим, что передали нам современники; молчим, если они умолчали, или справедливая критика заградит уста легкомысленному историку, обязанному представлять единственно то, что сохранилось от веков в летописях, в архивах. Древние имели право вымышлять *речи* согласно с характером людей, с обстоятельствами: право, неоцененное для истинных дарований, и Ливий, пользуясь им, обогатил свои книги силою ума, красноречия, мудрых наставлений. Но мы, вопреки мнению аббата Мабли, не можем ныне витийствовать в истории. Новые успехи разума да-

ли нам яснейшее понятие о свойстве и цели ее; здравый вкус устали неизменные правила и навсегда отлучил деписание от поэмы, от цветников красноречия, оставив в удел первому быть верным зеркалом минувшего, верным отзывом слов, действительно сказанных героями веков. Самая прекрасная выдуманная речь безобразит историю, посвященную не славе писателя, не удовольствию читателей и даже не мудрости нравоучительной, но только истине, которая уже сама собою делается источником удовольствия и пользы. Как естественная, так и гражданская история не терпит вымыслов, изображая, что есть или было, а не что быть *могло*. Но история, говорят, наполнена ложью: скажем лучше, что в ней, как в деле человеческом, бывает примесь лжи, однако ж характер истины всегда более или менее сохраняется; и сего довольно для нас, чтобы составить себе общее понятие о людях и деяниях. Тем взыскательнее и строже критика; тем непозволительнее историку, для выгод его дарования, обманывать добросовестных читателей, мыслить и говорить за героев, которые уже давно безмолвствуют в могилах. Что ж остается ему, прикованному, так сказать, к сухим хартиям древности? Порядок, ясность, сила, живопись. Он творит из данного вещества: не производит золота из меди, но должен очистить и медь; должен знать всего цену и свойство; открывать великое, где оно таится, и малому не давать прав великого. Нет предмета столь бедного, чтобы искусство уже не могло в нем ознаменовать себя приятным для ума образом.

Доселе древние служат нам образцами. Никто не превзошел Ливия в красоте повествования, Тацита в силе: вот главное! Знание всех прав на свете, ученость немецкая, остроумие Вольтерова, ни самое глубокомыслие Макиавелево в истории не заменяют таланта изображать действия. Англичане славятся Юмом, немцы Иоанном Мюллером, и справедливо**: оба суть достойные совместники древних — не подражатели, ибо каждый век, каждый народ дает особенные краски искусному бытописателю. «Не подражай Тациту, но пиши, как писал бы он на твоём месте!» — есть правило гения. Хотел ли Мюллер, часто вставляя в рассказ нравственные *апофегмы*, уподобиться Тациту? Не знаю; но сие желание блистать умом или казаться глубокомысленным едва ли не противно истинному вкусу. Историк рассуждает только в объяснение дел, там, где мысли его как бы дополняют описание.

* Только с Петра Великого начинаются для нас словесные предания: мы слышали от своих отцов и дедов об нем, о Екатерине I, Петре II, Анне, Елисавете многое, чего нет в книгах (*здесь и далее звездочками помечены примечания Н. М. Карамзина. — Ред.*).

** Говорю единственно о тех, которые писали целую историю народов. Феррерас, Даниель, Масков, Далин, Маллет не равняются с сими двумя историками; но усердно хваля Мюллера (историка Швейцарии), знатоки не хвалят его вступления, которое можно назвать геологическою поэмою.

Заметим, что сии апофегмы бывают для основательных умов или полуистинами, или весьма обыкновенными истинами, которые не имеют большой цены в истории, где ищем действий и характеров. Искусное повествование есть *долг* бытописателя, а хорошая отдельная мысль — *дар*: читатель требует первого и благодарит за второе, когда уже требование его исполнено. Не так ли думал и благоразумный Юм, иногда весьма плодovitый в изъяснении причин, но до скупости умеренный в размышлениях? Историк, коего мы назвали бы совершеннейшим из новых, если бы он не излишне *чуждался* Англии, не излишне хвалился беспристрастием и тем не охладил своего изящного творения! В Фукидиде видим всегда афинского грека, в Ливии всегда римлянина, и пленяемся ими, и верим им. Чувство *мы, наше* оживляет повествование, и как грубое пристрастие, следствие ума слабого или души слабой несносно в историке, так любовь к отечеству дает его кисти жар, силу, прелесть. Где нет любви, нет и души.

Обращаюсь к труду моему. Не позволяя себе никакого изобретения, я искал выражений в уме своем, а мыслей единственно в памятниках; искал духа и жизни в тлеющих хартиях; желал преданное нам веками соединить в систему, ясную стройным сближением частей; изображал не только бедствия и славу войны, но и все, что входит в состав гражданского бытия людей: успехи разума, искусства, обычаи, законы, промышленность; не боялся с важностию говорить о том, что уважалось предками; хотел, не изменяя своему веку, без гордости и насмешек описывать века душевного младенчества, легковерия, баснословия; хотел представить и характер времени, и характер летописцев: ибо одно казалось мне нужным для другого. Чем менее находил я известий, тем более дорожил и пользовался находимыми; тем менее выбирал: ибо не бедные, а богатые избирают. Надлежало или не сказать ничего, или сказать все о таком-то князе, дабы он жил в нашей памяти не одним сухим именем, но с некоторою нравственною физиогномиею. Прилежно *истощая* материалы древнейшей российской истории, я ободрял себя мыслию, что в повествовании о временах отдаленных есть какая-то неизъяснимая прелесть для нашего воображения: там источники поэзии! Взор наш в созерцании великого пространства не стремится ли обыкновенно — мимо всего близкого, ясного — к концу горизонта, где густеют, меркнут тени и начинается непроницаемость?

Читатель заметит, что описываю деяния *не врознь*,

¹ Шлёцер Август Людвиг (1735—1809) — немецкий историк, работавший и в России. Автор истории русского летописания «Нестор».

² Свою «Историю» Карамзин вначале предполагал издать в 9 томах.

по годам и дням, но *совокупляю* их для удобнейшего впечатления в памяти. Историк не летописец: последний смотрит единственно на время, а первый на свойство и связь деяний — может ошибиться в распределении мест, но должен всему указать свое место.

Множество сделанных мною примечаний и выписок устрашает меня самого. Счастливы древние: они не ведали сего мелочного труда, в коем теряется половина времени, скучает ум, вянет воображение: тягостная жертва, приносимая *достоверности*, однако ж необходимая! Если бы все материалы были у нас собраны, изданы, очищены критикою, то мне оставалось бы единственно ссылаться, но когда большая часть их в рукописях, в темноте, когда едва ли что обработано, изъяснено, соглашено, — надобно вооружиться терпением. В воле читателя заглядывать в сию пеструю смесь, которая служит иногда свидетельством, иногда объяснением или дополнением. Для охотников все бывает любопытно: старое имя, слово; малейшая черта древности дает повод к соображениям. С XV века уже менее выписываю: источники размножаются и делаются яснее.

Муж ученый и славный, Шлецер¹, сказал, что наша история имеет пять главных периодов; что Россия от 862 года до Святополка должна быть названа *рождающеюся*, от Ярослава до моголов *разделенною*, от Батюга до Иоанна III *угнетенною*, от Иоанна до Петра Великого *победоносною*, от Петра до Екатерины II *процветающею*. Сия мысль кажется мне более остроумною, нежели основательною.

1) Век Св. Владимира был уже веком могущества и славы, а не *рождения*. 2) Государство *делилось* и прежде 1015 года. 3) Если по внутреннему состоянию и внешним действиям России надобно означать периоды, то можно ли смешать в одно время великого князя Димитрия Александровича и Донского, безмолвное рабство с победою и славою? 4) Век самозванцев ознаменован более злочастьем, нежели победою. Гораздо лучше, истиннее, скромнее история наша делится на *древнейшую* от Рюрика до Иоанна III, на *среднюю* от Иоанна до Петра и *новую* от Петра до Александра. Система уделов была характером *первой эпохи*, единовластие — *второй*, изменение гражданских обычаев — *третьей*. Впрочем, нет нужды ставить грани там, где места служат живым урочищем.

С охотою и ревностию посвятив двенадцать лет, и лучшее время моей жизни, на сочинение сих осьми или девяти томов,² могу по слабости желать хвалы и бояться осуждения, но смею сказать, что это для меня не главное. Одно славолубие не мог-

ло бы дать мне твердости постоянной, долговременной, необходимой в таком деле, если бы не находил я истинного удовольствия в самом труде и не имел надежды быть полезным, то есть сделать российскую историю известнее для многих, даже и для строгих моих судей.

Благодаря всех, и живых и мертвых, коих ум, знания, таланты, искусство служили мне руководством, поручаю себя снисходительности добрых

сограждан. Мы одно любим, одного желаем: любим Отечество; желаем ему благоденствия еще более, нежели славы; желаем, да не изменится никогда твердое основание нашего величия; да правила мудрого самодержавия и святой веры более и более укрепляют союз частей; да цветет Россия... по крайней мере долго, долго, если на земле нет ничего бессмертного, кроме души человеческой!

Декабря 7, 1815.

ОБ ИСТОЧНИКАХ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ ДО XVII ВЕКА

СИИ ИСТОЧНИКИ СУТЬ:

I. *Летописи*. Нестор, инок монастыря Киевопечерского, прозванный *отцом* Российской истории, жил в XI веке: одаренный умом любопытным, слушал со вниманием изустные предания древности, народные исторические сказки; видел памятники, могилы князей; беседовал с вельможами, старцами киевскими, путешественниками, жителями иных областей российских; читал византийские хроники, записки церковные и сделался *первым* летописцем нашего Отечества. *Второй*, именем Василий, жил также в конце XI столетия: употребленный владимирским князем Давидом в переговорах с несчастным Васильком, описал нам великодушные последнего и другие современные деяния юго-западной России. Все иные летописцы остались для нас *безыменными*; можно только угадывать, где и когда они жили: например, один в Новгороде, иерей, посвященный епископом Нифонтом в 1144 году; другой во Владимире на Клязьме при Всеволоде Великом; третий в Киеве, современник Рюрика II; четвертый в Волынии около 1290 года; пятый тогда же во Пскове. К сожалению, они не сказывали всего, что бывает любопытно для потомства, но, к счастью, не вымышляли, и достовернейшие из летописцев иноземных согласны с ними.

Сия почти непрерывная цепь хроник идет до государствения Алексея Михайловича. Некоторые донныне еще не изданы или напечатаны весьма неисправно. Я искал древнейших списков: самые лучшие Нестора и продолжателей его суть харатейные¹, *Пушкинский* и *Троицкий*, XIV и XV века. Достоинны также замечания *Ипатьевский*, *Хлебниковский*, *Кенигсбергский*, *Ростовский*, *Воскресенский*,

Львовский, *Архивский*. В каждом из них есть нечто особенное и действительно историческое, внесенное, как надобно думать, современниками или по их запискам. *Никоновский* более всех искажен вставками бессмысленных переписчиков, но в XIV веке сообщает вероятные дополнительные известия о Тверском княжении, далее уже сходствует с другими, уступая им, однако ж, в исправности, — например, *Архивскому*.

II. *Степенная книга*², сочиненная в царствование Иоанна Грозного по мысли и наставлению митрополита Макария. Она есть выбор из летописей с некоторыми прибавлениями, более или менее достоверными, и названа сим именем для того, что в ней означены *степени*, или поколения государей.

III. Так называемые *Хронографы*³, или всеобщая история по византийским летописям, со внесением и нашей, весьма краткой. Они любопытны с XVII века: тут уже много подробных *современных* известий, которых нет в летописях.

IV. *Жития святых*, в патерике, в прологах, в минеях⁴, в особенных рукописях. Многие из сих биографий сочинены в новейшие времена, некоторые, однако ж, например, Св. Владимира, Бориса и Глеба, Феодосия, находятся в харатейных прологах, а патерик сочинен в XIII веке.

V. *Особенные деписания*: например, сказание о Довмонте Псковском, Александре Невском; современные записки Курбского и Палицына; известия о Псковской осаде в 1581 году; о митрополите Филиппе и проч.

VI. *Разряды*, или распределение воевод и пол-

¹ Харатейный список — написанный на выделанной телячьей коже.

² Степенная книга — изложение русской истории от Владимира I до Ивана Грозного. Составлена в 1560—63 гг.

³ Хронографы — книги с описаниями событий в отдельных городах и княжествах.

⁴ Патерик — сборник деяний отцов церкви или монахов какого-либо монастыря.

ков; начинаются со времен Иоанна III. Сии рукописные книги не редки.

VII. *Родословная книга*: есть печатная; исправнейшая и полнейшая, писанная в 1660 году, хранится в Синодальной библиотеке.

VIII. Письменные *Каталоги митрополитов и епископов*. Сии два источника не весьма достоверны; надобно их сверять с летописями.

IX. *Послания святителей* к князьям, духовенству и мирянам; важнейшее из оных есть Послание к Шемяке; но и в других находится много достопамятного.

X. Древние *монеты, медали, надписи, сказки, песни, пословицы*: источник скудный, однако ж не совсем бесполезный.

XI. *Грамоты*. Древнейшая из подлинных писана около 1125 года. Архивные новгородские грамоты и *Душевные записи* князей начинаются с XIII

века; сей источник уже богат, но еще гораздо богатейший есть.

XII. Собрание так называемых *Статейных списков*, или посольских дел, и грамот в архиве иностранной коллегии с XV века, когда и происшествия, и способы для их описания дают читателю право требовать уже большей удовлетворительности от историка.

К сей нашей собственности присовокупляются:

XIII. *Иностранные современные летописи*: византийские, скандинавские, немецкие, венгерские, польские вместе с известиями путешественников.

XIV. *Государственные бумаги иностранных архивов*: всего более пользовался я выписками из кенигсбергского.

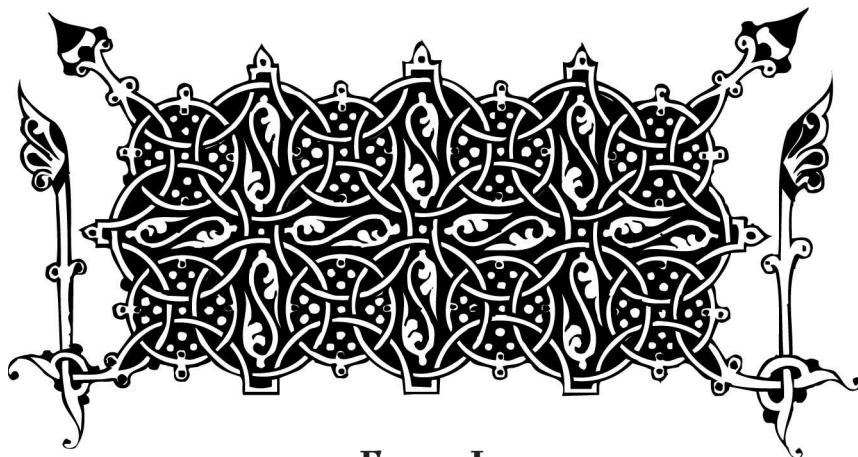
Вот материалы истории и предмет исторической критики!

I
TOM

Глава I

О НАРОДАХ, ИЗДРЕВЛЕ ОБИТАВШИХ В РОССИИ. О СЛАВЯНАХ ВООБЩЕ

Древние сведения греков о России. Путешествие аргонавтов. Тавры и киммеряне. Гипербореи. Поселенцы греческие. Ольвия, Пантикапея, Фанагория, Танаис, Херсон. Скифы и другие народы. Темный слух о землях полуночных. Описание Скифии. Реки, известные грекам. Нравы скифов; их падение. Митридат, геты, сарматы, алане, готфы, венеда, гунны, анты, угры и болгары. Славяне: их подвиги. Авары, турки, агоры. Расселение славян. Падение аваров. Болгария. Дальнейшая судьба народов славянских.

Сия великая часть Европы и Азии, именуемая ныне Россию, в умеренных ее климатах была искони обитаема, но дикими, во глубину невежества погруженными народами, которые не ознаменовали бытия своего никакими собственными историческими памятниками. Только в повествованиях греков и римлян сохранились известия о нашем древнем отечестве. Первые весьма рано открыли путь чрез Геллеспонт и Воспор Фракийский¹ в Черное море, если верить славному путешествию аргонавтов в Колхиду, воспетому будто бы самим Орфеем, участником оно, веков за XII до Рождества Христова. В сем любопытном стихотворении, основанном, по крайней мере, на древнем предании, названы Кавказ (славный баснословными муками несчастного Прометей), река Фазис (ныне Рион), Меотисское, или Азовское море, Воспор, народ каспийский, тавры и киммеряне, обитатели южной России. Певец Одиссеи также именует последних. «Есть народ киммерийский (говорит он) и город Киммерион, покрытый облаками и туманом: ибо солнце не озаряет сей печальной страны, где беспрестанно царствует глубокая ночь». Столь ложное понятие еще имели современники Гомеровы о странах юго-восточной Европы; басня о *мраках Киммерийских* обратилась в пословицу веков, и *Черное* море,

как вероятно, получило оттого свое название. Цветущее воображение греков, любя приятные мечты, изобрело гипербореев, людей совершенно добродетельных, живущих далее на север от Понта Эвксинского, за горами Рифейскими², в счастливом спокойствии, в странах мирных и веселых, где бури и страсти неизвестны, где смертные питаются соком цветов и росой, блаженствуют несколько веков и, насытившись жизнью, бросаются в волны морские.

Наконец, сие приятное баснословие уступило место действительным историческим познаниям. Веков за пять или более до Рождества Христова греки завели селения на берегах черноморских. Ольвия, в 40 верстах от устья днепровского, построена выходцами милетскими еще в славные времена Индийской империи, называлась *счастливою* от своего богатства и существовала до падения Рима; в благословенный век Траянов образованные граждане ее любили читать Платона и, зная наизусть «Илиаду», пели в битвах стихи Гомеровы. Пантикапея и Фанагория были столицами знаменитого царства Воспорского, основанного азиатскими греками в окрестностях Киммерийского пролива³. Город Танаис, где ныне Азов, принадлежал к сему царству; но Херсон Таврический⁴ (коего начало неизвестно) хранил вольность свою до времен Митридатовых.

¹ Геллеспонт и Воспор Фракийский — так называли древние греки нынешние проливы Дарданеллы и Босфор.

² Понт Эвксинский — Черное море. Рифейские горы — Уральские.

³ Пантикапей — нынешняя Керчь. Фанагория — древнегреческий город на берегу Таманского залива. Киммерийский пролив — Керченский.

⁴ Херсон Таврический (Корсунь) — ныне археологический заповедник на окраине Севастополя.

Сии пришельцы, имея торговлю и тесную связь с своими единоземцами, сообщили им верные географические сведения о России южной, и Геродот, писавший за 445 лет до Рождества Христова, предал нам оные в своем любопытном творении.

Киммеряне, древнейшие обитатели нынешних губерний Херсонской и Екатеринославской — вероятно, единоплеменные с германскими цимбрами, — за 100 лет до времен Кировых были изгнаны из своего отечества скифами или сколотами, которые жили прежде в восточных окрестностях моря Каспийского, но, вытесненные оттуда массагетами, перешли за Волгу, разорили после великую часть южной Азии и, наконец, утвердились между Истром и Танаисом (Дунаем и Доном), где сильный царь персидский, Дарий, напрасно хотел отмстить им за опустошение Мидии и где, гоняясь за ними в степях обширных, едва не погибло все его многочисленное войско. Скифы, называясь разными именами, вели жизнь кочевую, подобно киргизам или калмыкам; более всего любили свободу; не знали никаких искусств, кроме одного: «везде достигать неприятелей и везде от них скрываться»; однако ж терпели греческих поселенцев в стране своей, заимствовали от них первые начала гражданского образования, и царь скифский построил себе в Ольвии огромный дом, украшенный резными изображениями сфинксов и грифов.

Каллипиды, смесь диких скифов и греков, жили близ Ольвии к западу; алазоны в окрестностях Гипаниса, или Буга; так называемые *скифы-земледельцы* далее к северу, на обоих берегах Днепра. Сии три народа уже сеяли хлеб и торговали им. На левой стороне Днепра, в 14 днях пути от его устья (вероятно, близ Киева), между *скифами-земледельцами* и кочующими было их царское кладбище, священное для народа и неприступное для врагов. Главная орда, или *Царственная*, кочевала на восток до самого Азовского моря, Дона и Крыма, где жили тавры, может быть, единоплеменники древних киммеряно: убивая иностранцев, они приносили их в жертву своей *богине-девице*, и мыс Севастопольский, где существовал храм ее, долго назывался [ее именем], Геродот пишет еще о многих других народах *не скифского* племени: агафирсах в Семиградской области, или Трансильвании, неврах в Польше, андрофагах и меланхленах в России: жилища последних находились в 4000 стадиях, или в 800 верстах, от Черного моря к северу, в ближнем соседстве с андрофагами; те и другие питались человеческим мясом. Меланхлены назывались так от черной одежды своей. Невры «обращались ежегодно на несколько месяцев в волков»: то есть зимою покрывались волчьими кожами.

За Доном, на степях Астраханских, обитали сарматы, или савроматы; далее, среди густых лесов, будины, гелоны (народ греческого происхождения, имевший деревянную крепость), ирки, фиссагеты (славные звероловством), а на восток от них — скифские беглецы *орды Царской*. Тут, по сказанию Геродота, начинались каменистые горы (Уральские) и страна агриппеев, людей *плосконосых* (вероятно, калмыков).

Доселе ходили обыкновенно торговые караваны из городов черноморских: следственно, места были известны, также и народы, которые говорили *семью* разными языками. О дальнейших *полунощных* землях носился единственно темный слух. Агриппей уверяли, что за ними обитают люди, которые спят в году шесть месяцев: чему не верил Геродот, но что для нас понятно: долговременные ночи хладных климатов, озаряемые в течение нескольких месяцев одними северными сияниями, служили основанием сей молвы.

На восток от агриппеев (в Великой Татарии) жили исседоны, которые сказывали, что недалеко от них *грифы стерегут золото*: сии баснословные грифы кажутся отчасти историческою истиною и заставляют думать, что драгоценные рудники южной Сибири были издревле знаемы. Север вообще славился тогда своим богатством или множеством золота. Упомянув о разных ордах, кочевавших на восток от моря Каспийского, Геродот пишет о главном народе нынешних киргизских степей, сильных массагетах, победивших Кира, и сказывает, что они, сходствуя одеждою и нравами с племенами скифскими, украшали *золотом* шлемы, поясы, конские приборы и, не зная ни железа, ни серебра, делали палицы и копья из меди.

Что касается собственно до Скифии российской, то сия земля, по известию Геродота, была необозримо равниною, гладкою и безлесною; только между Тавридою и днепровским устьем находились леса. Он за чудо сказывает своим единоземцам, что зима продолжается там 8 месяцев, и воздух в сие время, по словам скифов, бывает наполнен летающими перьями, то есть снегом; что море Азовское замерзает, жители ездят на санях чрез неподвижную глубину его, и даже конные сражаются на воде, густеющей от холода; что гром гремит и молния блистает у них единственно летом.

Кроме Днепра, Буга и Дона, вытекающего из озера, сей историк именует еще реку Днестр (при устье коего жили греки, называемые тиритами), Прут, Серет, и говорит, что Скифия вообще может славиться большими судоходными реками; что Днепр, изобильный рыбою, окруженный прекрасными лугами, уступает в величине одному Нилу и Дунаю; что вода его отменно чиста, приятна для вкуса и здорова; что источник сей реки скрывается в отдалении и неизвестен скифам. Таким образом, север восточной Европы, огражденный пустынями и свирепостию варваров, которые на них скитались, оставался еще землею таинственною для истории. Хотя скифы занимали единственно южные страны нашего отечества; хотя андрофаги, меланхлены и прочие народы северные, как пишет сам Геродот, были совсем иного племени, — но греки называли всю нынешнюю азиатскую и европейскую Россию, или все полунощные земли, Скифиею, так же как они без разбора именовали полуденную часть мира Эфиопиею, западную Кельтикою, восточную Индиею, ссылаясь на историка Эфора, жившего за 350 лет до Рождества Христова.

Несмотря на долговременное сообщение с образованными греками, скифы еще гордились дикими нра-

Куль-Обская ваза с изображениями скифов, хранящаяся в Эрмитаже. На стороне, обращенной к зрителю, изображен воин, натягивающий тетиву на лук.

Сцена из жизни скифов на Куль-Обской вазе: перевязывание раны на ноге.

Сцена из жизни скифов на Куль-Обской вазе: совещание воинов.

вами своих предков, и славный единокровец их, философ Анахарсис, ученик Солонов, напрасно хотел дать им законы афинские, был жертвою сего несчастного опыта. В надежде на свою храбрость и многочисленность, они не боялись никакого врага, пили кровь убитых неприятелей, выделанную кожу их употребляли вместо одежды, а черепы вместо сосудов, и в образе меча поклонялись богу войны, как главе других мнимых богов.

Могущество скифов начало ослабевать со времен Филиппа Македонского, который, по словам одного древнего историка, одержал над ними решительную победу не превосходством мужества, а хитростию воинскою, и не нашел в стане у врагов своих ни серебра, ни золота, но только жен, детей и старцев. Митридат Эвпатор, господствуя на южных берегах Черного моря и завладев Воспорским царством, утеснил и скифов: последние их силы были истощены в жестоких его войнах с Римом, коего орлы приближались тогда к нынешним кавказским странам России. Геты, народ фракийский, побежденный Александром Великим на Дунае, но страшный для Рима во время царя своего, Беробиста Храброго, за несколько лет до Рождества Христова отнял у скифов всю землю между Истром и Борисфеном, т. е. Дунаем и Днепром. Наконец сарматы, обитавшие в Азии близ Дона, вступили в Скифию и, по известию Диодора Сицилийского, истребили ее жителей или присоединили к своему народу, так что *особенное бытие* скифов исчезло для истории; осталось только их славное имя, коим несведущие греки и римляне долго еще называли все народы мало известные и живущие в странах отдаленных.

Сарматы (или савроматы Геродотовы) делаются знамениты в начале христианского летосчисления, когда римляне, заняв Фракию и страны Дунайские своими легионами, приобрели для себя несчастное соседство варваров. С того времени историки римские

беспреданно говорят о сем народе, который господствовал от Азовского моря до берегов Дуная и состоял из двух главных племен: роксолан и язигов; но географы, весьма некстати назвав Сарматиею всю обширную страну Азии и Европы, от Черного моря и Каспийского с одной стороны до Германии, а с другой до самой глубины севера, обратили имя сарматов (подобно как прежде скифское) в общее для всех народов полунощных. Роксолане утвердились в окрестностях Азовского и Черного моря, а язиги скоро перешли в Дакию, на берега Тисы и Дуная. Дерзнув первые тревожить римские владения с сей стороны, они начали ту ужасную и долговременную войну дикого варварства с гражданским просвещением, которая заключилась, наконец, гибелью последнего. Роксолане одержали верх над когортами римскими в Дакии; язиги опустошали Мизию. Еще военное искусство, следствие непрестанных побед в течение осьми веков, обуздывало варваров и часто наказывало их дерзость; но Рим, изнеженный роскошью, вместе с гражданскою свободою утратил и гордость великодушную, не стыдился золотом покупать дружбу сарматов. Тацит именует язигов союзниками своего народа, и сенат, решив прежде судьбу великих государей и мира, с уважением встречал послов народа кочующего.

Хотя война Маркоманнская, в коей сарматы присоединились к германцам, имела несчастные для них следствия, хотя, побежденные Марком Аврелием, они утратили силу свою и не могли уже быть завоевателями, однако ж, кочуя в южной России и на берегах Тибиска, или Тисы, долго еще беспокоили набегами римские владения.

Почти в одно время с язигами и роксоланами узнаем мы и других — вероятно, единоплеменных с ними — обитателей юго-восточной России, алан, которые, по известию Аммиана Марцелина, были древние массагеты и жили тогда между Каспийским и Черным морем. Они, равно как и все азиатские дикие народы, не обрабатывали земли, не имели домов, возили жен и детей на колесницах, скитались по степям Азии даже до самой Индии северной, грабили Армению, Мидию, а в Европе берега Азовского и Черного моря, отважно искали смерти в битвах и славились отменною храбростию. К сему народу многочисленному принадлежали, вероятно, аорсы и сираки, о коих в первом веке христианского летоисчисления упоминают разные историки и кои, обитая между Кавказом и Доном, были и врагами, и союзниками римлян. Алане, вытеснив сарматов из юго-восточной России, отчасти заняли и Тавриду.

В третьем веке приблизились от Балтийского к Черному морю готфы и другие народы германские, овладели Дакиєю, римскою провинциєю со времен Траяновых, и сделались самыми опасными врагами империи. Переплыв на судах в Азию, готфы обратили в пепел многие города цветущие в Вифинии, Галатии, Каппадокии и славный храм Дианы в Ефесе, а в Европе опустошили Фракию, Македонию и Грецию до Морей. Они хотели, взяв Афины, истребить огнем все

книги греческие, там найденные, но приняли совет одного умного единоплеменца, который сказал им: «Оставьте грекам книги, чтобы они, читая их, забывали военное искусство и тем легче были побеждаемы нами». Ужасные свирепостию и мужеством, готфы основали сильную империю, которая разделялась на восточную и западную, и в IV столетии, при царе их Эрманарихе, заключала в себе немалую часть России европейской, простираясь от Тавриды и Черного моря до Балтийского.

Готфский историк VI века Иорнанд пишет, что Эрманарих в числе многих иных народов победил и венодов¹, которые, обитая в соседстве с эстами и герулами, жителями берегов Балтийских, славились более своею многочисленностию, нежели искусством воинским. Сие известие для нас любопытно и важно, ибо *веноды*, по сказанию Иорнанда, были единоплеменники *славян*, предков народа российского. Еще в самой глубокой древности, лет за 450 до Рождества Христова, было известно в Греции, что янтарь находится в отдаленных странах Европы, где река Эридан впадает в Северный океан и где живут веноды. Вероятно, что финикияне, смелые мореходцы, которые открыли Европу для образованных народов древности, не имевших о ней сведения, доплывали до самых берегов нынешней Пруссии, богатых янтарем, и там покупали его у венодов. Во время Плиния и Тацита, или в первом столетии, веноды жили близ Вислы и граничили к югу с Дакиєю. Птолемей, астроном и географ второго столетия, полагает их на восточных берегах моря Балтийского, сказывая, что оно издревле называлось *Венедским*. Следственно, ежели славяне и веноды составляли один народ, то предки наши были известны и грекам, и римлянам, обитая на юге от моря Балтийского. Из Азии ли они пришли туда и в какое время, не знаем. Мнение, что сию часть мира должно признавать колыбелию всех народов, кажется вероятным, ибо, согласно с преданиями священными, и все языки европейские, несмотря на их разные изменения, сохраняют в себе некоторое сходство с древними азиатскими; однако ж мы не можем утвердить сей вероятности никакими *действительно историческими* свидетельствами и считаем венодов европейцами, когда история находит их в Европе. Сверх того, они самыми обыкновенными и нравами отличались от азиатских народов, которые, приходя в нашу часть мира, не знали домов, жили в шатрах или *колесницах* и только на конях сражались; Тацитовы же веноды имели дома, любили ратоборствовать пешие и славились быстротою своего бега.

Конец четвертого века ознаменовался важными происшествиями. Гунны, народ кочующий, от полунощных областей Китая доходят чрез неизмеримые степи до юго-восточной России, нападают — около 377 года — на алан, готфов, владения римские, истребляя все огнем и мечом. Современные историки не находят слов для описания лютой свирепости и самого безобразия гуннов. Ужас был их предтечею, и сто-

¹ *Веноды* — западные славяне, жившие на побережье Балтийского моря.

летний герой Эрманарих не дерзнул даже вступить с ними в сражение, но произвольную смертью спешил избавиться от рабства. Восточные готфы должны были покориться, а западные искали убежища во Фракии, где римляне, к несчастью своему, дозволили им поселиться: ибо готфы, соединясь с другими мужественными германцами, скоро овладели большею частью империи.

История сего времени упоминает об *антах*, которые, по известию Иорнанда и византийских летописцев, принадлежали вместе с венедами к народу славянскому. Винитар, наследник Эрманариха, царя готфского, был уже данником гуннов, но хотел еще поведовать другими народами: завоевал страну антов, которые обитали на север от Черного моря (следственно, в России), и жестоким образом умертвил их князя, именем Бокса, с семьюдесятью знатнейшими боярами. Царь гуннский, Баламбер, вступился за утесненных и, победив Винитара, освободил их от ига готфов.

Нет сомнения, что анты и венеда признавали над собою власть гуннов: ибо сии завоеватели во время Аттилы, грозного царя их, повелевали всеми странами от Волги до Рейна, от Македонии до островов Балтийского моря. Истребив бесчисленное множество людей, разрушив города и крепости дунайские, предав огню селения, окружив себя пустынями обширными, Аттила царствовал в Дакии под наметом шатра, брал дань с Константинополя, но славился презрением золота и роскоши, ужасал мир и гордился именем *бича Небесного*. С жизнью сего варвара, но великого человека, умершего в 454 году, прекратилось и владычество гуннов. Народы, поработанные Аттилою, свергнули с себя иго несогласных сыновей его. Изгнанные немцами-геидами из Паннонии, или Венгрии, гунны держались еще несколько времени между Днестром и Дунаем, где страна их называлась Гунниваром; другие рассеялись по дунайским областям империи — и скоро изгладились следы ужасного бытия гуннов. Таким образом сии варвары отдаленной Азии явились в Европе, свирепствовали и, как грозное привидение, исчезли!

В то время южная Россия могла представлять обширную пустыню, где скитались одни бедные остатки народов. Восточные готфы большею частью удалились в Паннонию; о роксоланах не находим уже ни слова в летописях: вероятно, что они смешались с гуннами или, под общим названием сарматов, вместе с язигами были расселены императором Маркианом в Иллирике и в других римских провинциях, где, составив один народ с готфами, утратили имя свое, ибо в конце V века история уже молчит о сарматах. Множество алан, соединясь с немецкими вандалами и свевами, перешло за Рейн, за горы Пиренейские, в Испанию и Португалию.

Но скоро угры и болгары¹, по сказанию греков, единоплеменные с гуннами и до того времени неизвестные, оставив древние свои жилища близ Волги и

гор Уральских, завладели берегами Азовского, Черного моря и Тавридою (где еще обитали некоторые готфы, принявшие веру христианскую) и в 474 году начали опустошать Мизию, Фракию, даже предместия константинопольские.

С другой стороны выходят на театр истории *славяне*, под сим именем, достойным людей воинственных и храбрых, ибо его можно производить от *славы*, — и народ, коего бытие мы едва знали, с VI века занимает великую часть Европы, от моря Балтийского до реки Эльбы, Тисы и Черного моря. Вероятно, что некоторые из славян, подвластных Эрманариху и Аттиле, служили в их войске; вероятно, что они, испытав под начальством сих завоевателей храбрость свою и приятность добычи в богатых областях империи, возбудили в соотечественниках желание приблизиться к Греции и вообще распространить их владение. Обстоятельства времени им благоприятствовали. Германия опустела, ее народы воинственные удалились к югу и западу искать счастья. На берегах черноморских, между устьями Днепра и Дуная, кочевали, может быть, одни дикие малолюдные орды, которые сопутствовали гуннам в Европу и рассеялись после их гибели. От Дуная и Алуты до реки Моравы жили немцы лонгобарды и гепиды; от Днепра к морю Каспийскому угры и болгары; за ними, к северу от Понта Эвксинского и Дуная, явились анты и славяне; другие же племена их вступили в Моравию, Богемию, Саксонию, а некоторые остались на берегах моря Балтийского. Тогда начинают говорить об них историки византийские, описывая свойства, образ жизни и войны, обыкновения и нравы славян, отличные от характера немецких и сарматских племен: доказательство, что сей народ был прежде мало известен грекам, обитая во глубине России, Польши, Литвы, Пруссии, в странах отдаленных и как бы непроницаемых для их любопытства.

Уже в конце пятого века летописи византийские упоминают о славянах, которые в 495 году дружелюбно пропустили чрез свои земли немцев-герулов, разбитых лонгобардами в нынешней Венгрии и бежавших к морю Балтийскому; но только со времен Юстиниановых, с 527 года, утвердись в Северной Дакии, начинают они действовать против империи, вместе с угорскими племенами и братьями своими антами, которые в окрестностях Черного моря граничили с болгарями. Ни сарматы, ни готфы, ни самые гунны не были для империи ужаснее славян. Иллирия, Фракия, Греция, Херсонес — все страны от залива Ионического до Константинополя были их жертвою; только Хильвуд, смелый вождь Юстинианов, мог еще с успехом им противоборствовать; но славяне, убив его в сражении за Дунаем, возобновили свои лютые нападения на греческие области, и всякое из оных стоило жизни или свободы бесчисленному множеству людей, так что южные берега дунайские, облитые кровию несчастных жителей, осыпанные пеплом городов и сел, совершенно опустели. Ни легионы римские, почти

¹ Угры — ханты-мансийские племена. *Болгары* (булгары) — тюркоязычные племена, создавшие в X веке Волжско-Камскую Болгарию.

всегда обращаемые в бегство, ни великая стена Анастасиева¹, сооруженная для защиты Царяграда от варваров, не могли удерживать славян, храбрых и жестоких. Империя с трепетом и стыдом видела знамя Константиново в руках их. Сам Юстиниан, совет верховный и знатнейшие вельможи должны были с оружием стоять на последней ограде столицы, стене Феодосиевой, с ужасом ожидая приступа славян и болгаров ко вратам ее. Один Велисарий, поседевший в доблести, осмелился выйти к ним навстречу, но более казною императорскою, нежели победою, отвратил сию грозную тучу от Константинополя. Они спокойно жительствовавали в империи, как бы в собственной земле своей, уверенные в безопасной переправе чрез Дунай: ибо гепиды, владевшие большею частию северных берегов его, всегда имели для них суда в готовности. Между тем Юстиниан с гордостью величал себя *Антическим*, или *Славянским*, хотя сие имя напоминало более стыд, нежели славу его оружия против наших диких предков, которые беспрестанно опустошали империю или, заключая иногда дружественные с нею союзы, нанимались служить в ее войсках и способствовали их победам. Так во второе лето славной войны Готфской (в 536 году) Валериан привел в Италию 1600 конных славян, и римский полководец Туллиан вверил антам защиту Лукании, где они в 547 году разбили готфского короля Тотилу.

Уже лет 30 славяне свирепствовали в Европе, когда новый азиатский народ победами и завоеваниями открыл себе путь к Черному морю. Весь известный мир был тогда театром чудесного волнения народов и непостоянства в их величии. Авары славились могуществом в степях Татарии, но в VI веке, побежденные турками, ушли из земли своей. Сии турки, по свидетельству историков китайских, были остатками гуннов, древних полуношных соседей Китайской империи; в течение времени соединились с другими родами единоплеменными и завоевали всю южную Сибирь. Хан их, называемый в византийских летописях Дизавулом, как новый Аттила покорив многие народы, жил среди гор Алтайских в шатре, украшенном коврами шелковыми и многими золотыми сосудами; сидя на богатом троне, принимал византийских послов и дары от Юстиниана; заключал с ним союзы и счастливо воевал с персами. Известно, что россияне, овладев в новейшие времена полуденною частию Сибири, находили в тамошних могилах великое количество вещей драгоценных: вероятно, что они принадлежали сим алтайским туркам, уже не дикому, но отчасти образованному народу, торговавшему с Китаем, Персиею и греками.

Вместе с другими ордами зависели от Дизавула киргизы и гунны-огоры². Быв прежде данниками аваров и тогда угнетаемые турками, огоры перешли на западные берега Волги, назвались славным именем аваров, некогда могущественных, и предложили союз

императору византийскому. Народ греческий с любопытством и с ужасом смотрел на их послов: одежда сих людей напоминала ему страшных гуннов Аттилы, от коих мнимые авары отличались единственно тем, что не брили головы и заплетали волосы в длинные косы, украшенные лентами. Главный посол сказал Юстиниану, что авары, мужественные и непобедимые, хотят его дружбы, требуя даров, жалованья и выгодных мест для поселения. Император не дерзнул ни в чем отказать сему народу, который, бежав из Азии, со вступлением в Европу приобрел силу и храбрость. Угры, болгары признали власть его. Анты не могли ему противиться. Хан аварский, свирепый Баян, разбил их войско, умертвил посла, знаменитого князя Мезамира; ограбил землю, пленил жителей; скоро завоевал Моравию, Богемию, где обитали чехи и другие славяне; победил Сигеберта, короля франков, и возвратился на Дунай, где лонгобарды вели кровопролитную войну с гепидами. Баян соединился с первыми, разрушил державу гепидов, овладел большею частию Дакии, а скоро и Паннонию, или Венгрию, которую лонгобарды уступили ему добровольно, желая искать завоеваний в Италии. Область аваров в 568 году простиралась от Волги до Эльбы. В начале седьмого века завладели они и Далмациею, кроме приморских городов ее. Хотя турки, господствуя на берегах Иртыша, Урала, тревожа набегами Китай и Персию, около 580 года распространили было свои завоевания до самой Тавриды — взяли Воспор, осадили Херсон; но скоро исчезли в Европе, оставив земли черноморские в подданстве аваров.

Уже анты, богемские чехи, моравы служили хану; но собственно так называемые дунайские славяне хранили свою независимость, и еще в 581 году многочисленное войско их снова опустошило Фракию и другие владения имперские до самой Эллады, или Греции. Тиверий царствовал в Константинополе: озабоченный войною Персидскою, он не мог отразить славян и склонил хана отомстить им впадением в страну их. Баян назывался другом Тиверия и хотел даже быть римским патрицием: он исполнил желание императора тем охотнее, что давно уже ненавидел славян за их гордость. Сию причину злобы его описывают византийские историки следующим образом. Смирив антов, хан требовал от славян подданства; но Лавритас и другие вожди их ответствовали: «Кто может лишить нас вольности? Мы привыкли отнимать земли, а не свои уступать врагам. Так будет и впредь, доколе есть война и мечи в свете». Посол ханский раздражил их своими надменными речами и заплатил за то жизнью. Баян помнил сие жестокое оскорбление и надеялся собрать великое богатство в земле славян, которые, более пятидесяти лет громив империю, не были еще никем тревожимы в стране своей. Он вступил в нее с шестьюдесятью тысячами отборных конных латников, начал грабить *селения*, жечь поля, истреблять

¹ Великая стена Анастасиева — построенная при императоре Анастасии I стена тянулась от г. Селивпии (Доростола) до Черного моря.

² Огоры — племена, родственные уграм. На Руси огоров называли еще обрами.

жителей, которые только в бегстве и в густоте лесов искали спасения.

С того времени ослабело могущество славян, и хотя Константинополь еще долго ужасался их набегов, но скоро хан аварский совершенно овладел Дакией. Обязанные давать ему войско, они лили кровь свою и чуждую для пользы их тирана; должны были первые гибнуть в битвах, и когда хан, нарушив мир с Грецией, в 626 году осадил Константинополь, славяне были жертвою сего дерзкого предприятия. Они взяли бы столицу империи, если бы измена не открыла их тайного намерения грекам: окруженные неприятелем, бились отчаянно; немногие спаслись и в знак благодарности были казнены ханом.

Между тем не все народы славянские повиновались сему хану: обитавшие за Вислою и далее к северу спаслись от рабства. Так в исходе VI века на берегах моря Балтийского жили мирные и счастливые славяне, коих он напрасно хотел вооружить против греков и которые отказались помогать ему войском. Сей случай, описанный византийскими историками, достоин любопытства и примечания. «Греки (повествуют они) взяли в плен трех чужеземцев, имевших вместо оружия кифары, или гусли. Император спросил, кто они. «Мы — славяне, — ответствовали чужеземцы, — и живем на отдаленнейшем конце Западного океана (моря Балтийского). Хан аварский, прислав дары к нашим старейшинам, требовал войска, чтобы действовать против греков. Старейшины взяли дары, но отправили нас к хану с извинением, что не могут за великою отдаленностию дать ему помощи. Мы сами были 15 месяцев в дороге. Хан, невзирая на святость посольского звания, не отпустил нас в отечество. Слыша о богатстве и дружелюбии греков, мы воспользовались случаем уйти во Фракию. С оружием обходиться не умеем и только играем на гуслях. Нет железа в стране нашей: не зная войны и любя музыку, мы ведем жизнь мирную и спокойную». Император дивился тихому нраву сих людей, великому росту и крепости их: угостил слов и доставил им способ возвратиться в отечество». Такое миролюбивое свойство балтийских славян, во времена ужасов варварства, представляет мыслям картину счастья, которого мы обыкли искать единственно в воображении. Согласие византийских историков в описании сего происшествия доказывает, кажется, его истину, утверждаемую и самими тогдашними обстоятельствами севера, где славяне могли наслаждаться тишиною, когда германские народы удалились к югу и когда разрушилось владычество гуннов.

Наконец *богемские* славяне, возбужденные отчаянием, дерзнули обнажить меч, смирили гордость аваров и возвратили древнюю свою независимость. Летописцы повествуют, что некто, именем Само, был тогда смелым вождем их: благодарные и вольные славяне

избрали его в цари. Он сражался с Дагобертом, королем франков, и разбил его многочисленное войско.

Скоро владения славян умножились новыми приобретениями: еще в VI веке, как вероятно, многие из них поселились в Венгрии; другие в начале VII столетия, заключив союз с Константинополем, вошли в Иллирию¹, изгнали оттуда аваров и основали новые области под именем Кроации, Славонии, Сербии, Боснии и Далмации. Императоры охотно позволяли им селиться в греческих владениях, надеясь, что они, по известной храбрости своей, могли быть лучшею их защитою от нападения других варваров, — и в VII веке находим славян на реке Стримоне во Фракии, в окрестностях Фессалоники² и в Мизии, или в нынешней Болгарии. Даже весь Пелопоннес был несколько времени в их власти: они воспользовались ужасами моровой язвы, которая свирепствовала в Греции, и завоевали древнее отечество наук и славы. Многие из них поселились в Вифинии, Фригии, Дардапии, Сирии.

Но между тем, когда чехи и другие славяне пользовались уже совершенною вольностию отчасти в прежних, отчасти в новых своих владениях, дунайские находились еще, кажется, под игом аваров, хотя могущество сего достопамятного азиатского народа ослабело в VII веке. Куврат, князь болгарский, данник хана, в 635 году свергнул с себя иго аваров. Разделив силы свои на девять обширных укрепленных станов, они еще долгое время властвовали в Дакии и в Паннонии, вели жестокие войны с баварцами и славянами в Каринтии, в Богемии; наконец утратили в летописях имя свое. Куврат, союзник и друг римлян, господствовал в окрестностях Азовского моря; но сыновья его, в противность мудрому совету умирающего отца, разделились: старший, именем Ватвай, остался на берегах Дона; второй сын, Котраг, перешел на другую сторону сей реки; четвертый в Паннонию, или Венгрию, к аварам; пятый в Италию; а третий, Аспарух, утвердился сперва между Днестром и Дунаем, но в 679 году, завоевав и всю Мизию, где жили многие славяне, основал там сильное государство Болгарское.

Представив читателю расселение народов славянских от моря Балтийского до Адриатического, от Эльбы до Мореи³ и Азии, скажем, что они, сильные числом и мужеством, могли бы тогда, соединясь, овладеть Европою, но, слабые от развлеченія сил и несогласия, почти везде утратили независимость, и только один из них, искушенный бедствиями, удивляет ныне мир величием. Другие, сохранив бытие свое в Германии, в древней Иллирии, в Мизии, повинуются властителям чужеземным, а некоторые забыли и самый язык отечественный.

Теперь обратимся к истории государства Российского, основанной на преданиях нашего собственного, древнейшего летописца.

¹ Иллирия — в древности местность на северо-западе Балканского полуострова и юго-западе Италии.

² Фессалоники — ныне Салоники в Греции.

³ Морея — здесь: Греция.

Первобытная охота на тура

Иванов С. В.
Жизнь восточных славян

Иванов С. В.
Торг в стране восточных славян

Древний гончар

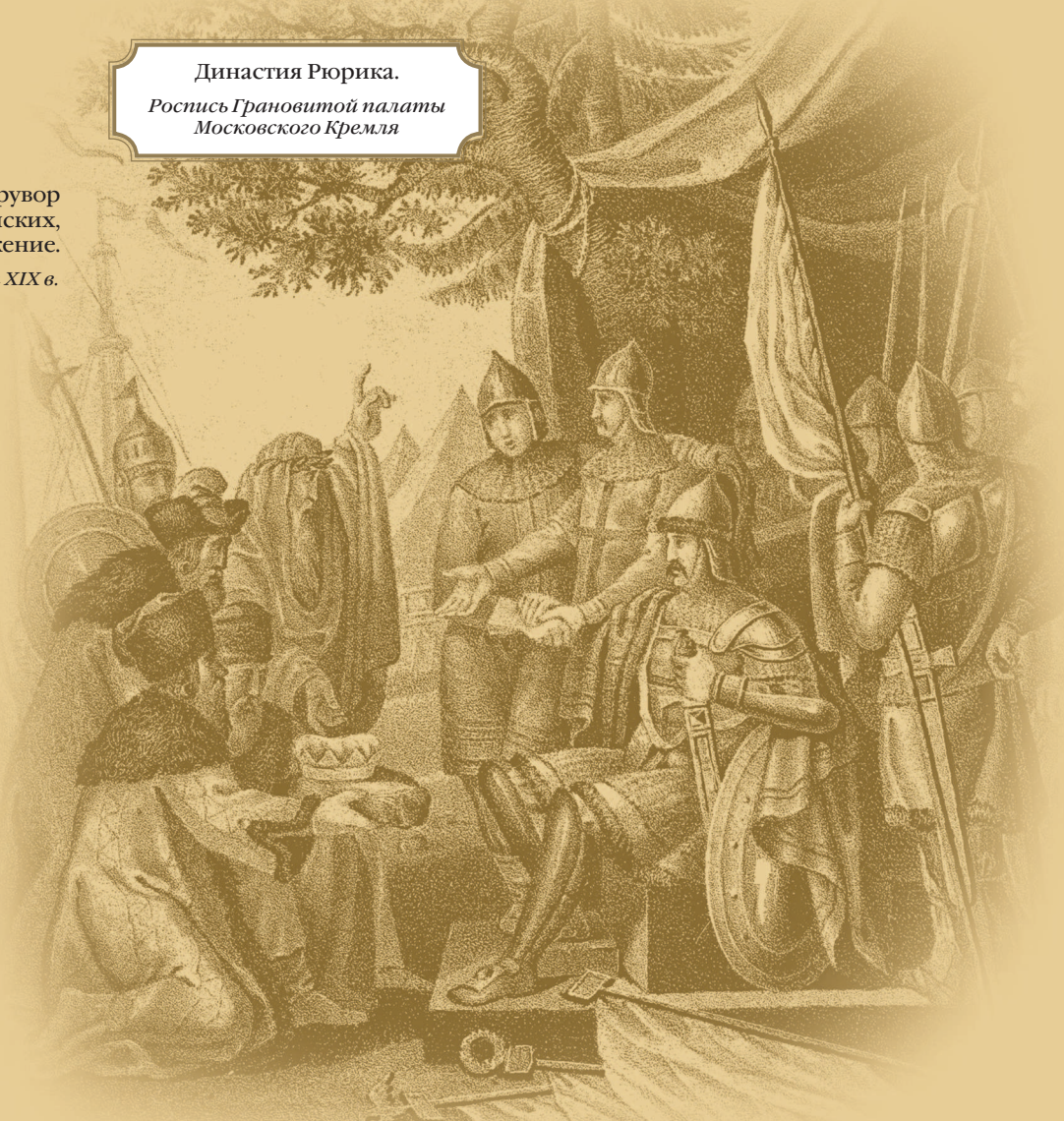

Династия Рюрика.

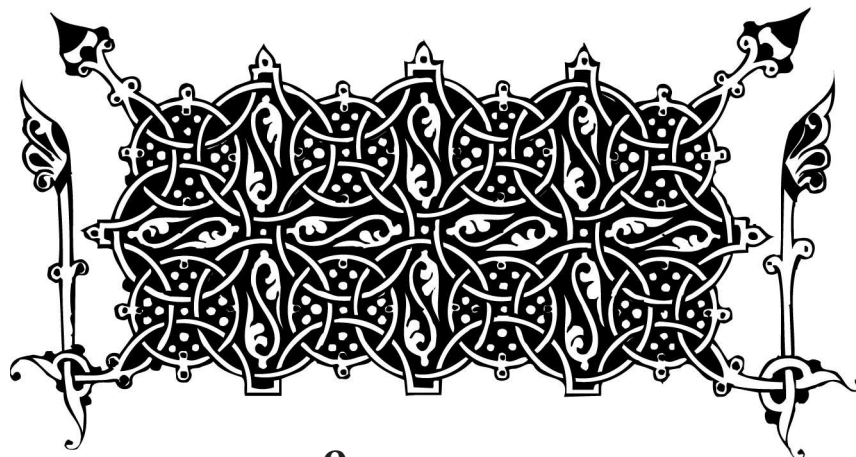
*Роспись Грановитой палаты
Московского Кремля*

Рюрик, Синеус и Трувор
принимают послов славянских,
призывающих их на княжение.

Литография XIX в.

Содержание

Предисловие	5
ТОМ I	11
ТОМ II	89
ТОМ III	185
ТОМ IV	267
ТОМ V	355
ТОМ VI	455
ТОМ VII	543
ТОМ VIII	599
ТОМ IX	673
ТОМ X	781
ТОМ XI	845
ТОМ XII	915
О ДРЕВНЕЙ И НОВОЙ РОССИИ	991
Послесловие	1016
Словарь старинных слов и выражений	1018

